

*Моим папе и маме,
без которых вся эта лирическая история,
по-видимому, вряд ли бы произошла*

Короткое поясняющее предисловие

Когда-то я хотел написать три книжки. Одну — про детство: ну, какой же русский писатель без своего «Детства»? Вторую — про людей, без которых я бы ни за что не вырос тем, кем вырос, и никогда бы не стал тем, кем стал. Ну и третью, само собой — про московский «Спартак». Потом немного подумал и понял, что на самом-то деле — это все об одном и том же, просто разными словами. А иногда и одинаковыми. Поэтому книжка будет одна, зато большая. Ну или маленькая, если ничего не удастся вспомнить. Хотя вряд ли. Такое не забывается. Ни детство, ни люди, ни «Спартак». Вот же и говорю — практически одно и то же!

Ну и — к делу.

3

Детство

Детство выплывает внезапно. Почти из ниоткуда. Ты вдруг цепляешься за что-то и, как скалолаз, поднимаешься шагком за шагком, вспышка сознания за вспышкой, но только не вверх, а вниз, куда-то туда, вглубь... и, как сквозь облачность, прорываешься через что-то бывшее, но неважное — и неожиданно над тобой снова чистое, голубое небо... как в детстве.

Я почти не помню деда. Так, несколько неясных, обрывочных картинок. Вот он качает меня на ноге и поет: «Как на липовой ноге, на дубовой калиге...» Я не знаю, что такое «калига». И не хочу знать. «Калига» — это дед. И еще вот эта серая коробочка рядом с ним. Коробочка — это тоже дед. И только потом, в нежно-подростковом возрасте, вдруг заинтересовавшись содержанием табачного ларька, выясняю: коробочка — это просто пачка папирос, папирос «Дымок». И я вспоминаю все... и как я, еще картавя, говорю: «Дед, не куи в избе!» — а все вокруг смеются, хотя это больше по рассказам... но теперь я уже — помню. Сам.

Дед умер, когда мне не было трех.

В половину седьмого мы идем встречать отца с работы. Я еще не понимаю, что такое «время» (как, впрочем, не понимаю и сейчас) и что такое эта самая «половина» — но я точно знаю: это когда обе стрелки на часах смотрят почти вниз. Тогда мы будем собираться и выходить на улицу. И я в нетерпении буду стоять, просунув голову между облупившимися прутьями ограждения, и смотреть вниз на бегущую лестницу. И мне до сих пор всегда хорошо в половину седьмого, даже если я просыпаюсь рано утром. Просто потому, что обе стрелки смотрят почти вниз, и значит — мы сейчас пойдём встречать отца.

А потом будет уходить мама. Мать работает «в ночь», чтобы днем сидеть со мной. И мы опять пойдём в метро (но уже не в этот день, а в другой) — только теперь мне будет грустно. Даже если мне дадут разменять монетку в автомате. Хотя это — невообразимое счастье! Ты аккуратно опускаешь сверху — а снизу с веселым звоном вылетают пятакки! Желтый аппарат — десять копеек, зеленый — пятнадцать, но самый лучший — это красный, там вылетает целых четыре! А потом мама сядет в поезд, и он с грохотом унесет ее в тоннель — «на работу». А я буду воображать себе, как где-то там, вдалеке, мама будет стоять и опускать в автомат монетки. Потому что это и есть — «работа». Собственно, я и сейчас так думаю.

4

И — «садик». Сад, признаться, я не люблю, по крайней мере на раннем этапе (да и кто, поди, любит). Три самых ненавистных предмета на свете — куриная кожа, прорвавшийся через скорлупу и вспенившийся белок и комки в манной каше. И если от первых двух еще можно увернуться, заделавшись дежурным и выхватив себе безопасный кусок или ловко сманеврировав рассадкой за столом — то от комков спасенья нет... и ты подносишь ложку ко рту, словно ухая в пропасть... А воспитательницы меняются в обед, одна — хорошая, другая... скажем так, нравится мне меньше. И если с утра хорошая — то с обеда будет плохая. Но уж если плохая с утра, то стоит потерпеть — и скоро обязательно придет хорошая! Простая малолетняя философия... но я и теперь так считаю. Мы всё, всё тащим с собою оттуда...

Но это — Время. А ведь есть еще и Пространство. Вперед и назад, влево и вправо. В садик из дома — направо, но это еще ничего. Потому что налево — страшная, пугающая до дрожи «пятидневка». Если я плохо веду себя — меня обещают на нее «отдать». И однажды в выходные я веду себя особенно плохо. Тогда наутро в понедельник мы выходим с отцом — и он вдруг заворачивает НАЛЕВО. «Куда?!!» — в ужасе кричу я, пытаясь вырваться... «На пятидневку!!!» И я очень

долго боялся потом этой асфальтовой дорожки. У меня уже была машина, и я, заехав однажды в родной двор, прокатился в поисках свободного места — и вдруг похолодел от ужаса, до липкого пота: я захал к «пятидневке»!

Всё оттуда, издалека... из самого начала.

И — все большое. Просто огромное. Потому что ты — маленький. Настолько маленький, что лифт в «сталинском» доме просто не везет меня одного. Не реагирует на столь незначительную массу. Когда я впервые стал большим? — да когда лифт со мной поехал... А в феврале в садике на «участке» сугробы по краям — уже в твой рост. Даже выше. Даже не видно, кто там идет тебя «забирать».

И — расстояния. Если меня на ночь оставляют у бабушки, то на следующий день мы выходим в сад за сорок минут. За целых сорок! Это обойти один ее дом, одна остановка на метро и потом еще наискосок метров триста. Сорок! И то не успеваем иной раз... как сейчас, выходя на «Войковской», я не успеваю сосредоточиться, как уже пролетаю мимо арки, куда надо было свернуть...

А наш дом — пятиэтажка. Да, кирпичная — но все равно по сути маленькая. Они маленькие, эти пресловутые «хрущевки». Короткие лестницы, тесные площадки... И только один-единственный пятиэтажный дом на свете — большой. Только в одном мне всегда просторно. Это МОЙ дом. Потому что я в нем — до сих пор МАЛЕНЬКИЙ...

5

А еще... хотя ладно. Лирики предварительного, так сказать, этапа достаточно. Вот теперь — к делу уже по-настоящему.

Футбол. Ну и хоккей, конечно

Я не помню, когда я полюбил футбол. Зато помню, что на самом деле я не должен был его полюбить...

...Я уже поднимался домой со двора. У меня был мячик — обычный, резиновый. А на втором этаже стоял местный житель, подросток с дурацкой фамилией Филин. Он был уже большой. По слухам, ему было целых семь лет и осенью он должен уже пойти в школу. Но это осенью. А в тот день Филин взял и отобрал у меня мяч. И пошел с ним куда-то наверх.

— Филин, отдай мяч! — закричал я дрожащим голосом.

— А он что, твой, что ли? — спросил коварный подросток с дурацкой фамилией.

— Мой, — подтвердил я.

— Твой? Ну так держи!!! — и со всего маху, «с пыра» залепил мне им прямо в лоб.

И я заплакал. Я много плакал в детстве. Ну, во всяком случае — больше, чем это позволено настоящему самураю. Но я никогда не плакал от боли. Только от обиды.

Это очень больно, в лоб резиновым мячом. Еще более — обидно. Но футбол, как ни странно, я не разлюбил. Даже наоборот.

Тем же летом во дворе... хотя, скорее, даже уже жаркой майской весной... короче, меня «взяли». Это магическое слово будет преследовать меня еще долго: «возьмут — не возьмут»... но в тот раз — взяли. Играть в футбол. Большие пацаны. Может быть, даже бóльшие, чем Филин. И поставили на ворота. Что, конечно, неверно с тактической точки зрения, ибо вратарь — половина команды, как известно. Зато справедливо с позиций дворовой иерархии и Табели о рангах: самый маленький — на ворота... а то можешь и вообще за ними — мячики подавать. Даже и не ворота, а детский домик, в котором по случаю пятницы расположились для культурного досуга мужчины...

И вот — атака на наши ворота. Несется в виде пылевого облака. Где свои, кто чужие — разобрать невозможно, я не успел запомнить, да мне никто и не удосужился толком объяснить. Сказали — «стой», я и встал... а облако уже совсем близко... и мяч вылетает из него почти что прямо мне в лоб... и я в ужасе закрываю глаза, вытягивая ногу куда-то вперед... и тишина.

И ничего. Я даже, кажется, не чувствую удара. И я открываю глаза — и вижу, что ожесточенная борьба разворачивается уже где-то на другом участке поля. И мужчины за спиной у меня продолжают так же беззаботно отдыхать... а из кучи игроков вдруг кто-то машет мне рукой: «Молодец, пацан — отбил!!!» И тут до меня вдруг доходит...

«Я отбил! Отбил! Отбил!!!»

И я навсегда проникся этой странной, несколько диковатой Игрй...

Очень скоро я выяснил, что две березы, растущие с торца нашего дома, образуют практически идеальные ворота. Правда, ворот должно быть двое, а с другой стороны так ловко не получается: дерево есть, но вот столб фонарный к нему боком, и размер другой... но ничего. А в саду — деревянная лестница у забора. Напротив, правда, вообще ничего нет, зато это «рамка» практически с сеткой. Уже можно набирать состав. Сверстников, но сгодятся и сверстницы. «Будешь играть? — Буду. А во что? — Станный вопрос! Во что же еще можно играть? Конечно же, в ФУТБОЛ!!!» А если и не набирается — ну, тоже не страшно. Можно даже одному. Так даже проще: удар — гол, удар — гол, удар — гол!!!

Или хоккей? Или раньше все-таки был хоккей? Нет, этого я точно не скажу.

Хоккей! Да он еще в сто раз интереснее футбола! Эти люди в красивой форме, которые так ловко перескакивают через бортик. Эти загадочные вратари, что всегда в масках, эти судьи в полосатых свитерах... очень красиво. А еще — голы. Много голов. Это футбол можно смотреть долго и так ни одного и не увидеть. А в хоккее — вот оно: проход, пас, еще один, шайбу на черно-белом экране все равно не разглядеть — и «гасящая сетка» за спиной вратаря вдруг взмывается вверх — гол! И вот победители уже обнимаются за воротами, победно вскидывая клюшки, и застывает в бессильном оцепенении голкипер, а потом понуро выгребает шайбу из ворот, и камера наезжает... здорово! И можно ли устоять?

Конечно, нет. И я перетаскиваю свой маленький стол к балконной двери — это ворота. И занавеска теперь болтается за ними очень кстати — это сетка. А если натянуть на голову сумку-«авоську»¹, получится замечательная вратарская маска. Лучше настоящей. И мама будет хохотать и объявлять: «Вратарь — Кен Бродерик!!!» И я не знаю, что это за «Бродерик», но спроси меня и сейчас, кто самый лучший страж ворот на свете, я не задумываясь отвечу: ну конечно же Кен Бродерик!!!

И я буду до потери сознания «забрасывать» голы, пусть не шайбой, а мячиком — но клюшка-то хоккейная! А потом придет отец, и я превращусь в этого самого «Бродерика» и теперь буду отбивать, как всамделишный голкипер: падать на колени, потом выбрасывать ногу в стиле «баттерфляй» и демонстрировать воображаемому судье шайбу в ловушке-варежке: взято! А потом отец устанет и скажет «все, играем до гола», и будет финальный «выход один на один», и обязательно «силовой прием», и бросок — и взметнется сетка, и даже, возможно, зажжется лампочка...

Не все атрибуты хоккея тех лет дотянут до наших дней. Окончательно уйдут в небытие старые маски канадских вратарей, я еще застал их. Ну, не решетка на шлеме — а именно что «маска», ну вы поняли. А полевые игроки все поголовно наденут шлемы и перестанут уже жевать жувачку на скамейках. А потом и судьи. И комментаторы перестанут изъясняться старомодно: «Шайбу забросил с подачи...», а станут по-современному: «...с передачи». И на табло в «Лужниках» уже не будет загораться «Команда А» и «Команда В» — я еще с той поры не люблю букву «В», потому что если горит больше букв «В»,

¹ Значения некоторых, возможно, непонятных читателю слов указаны в глоссарии в конце текста.

то это значит, что наши проигрывают... Но эта «гасящая сетка», ныне упраздненная по соображениям травматичности, этот вернейший знак и символ заброшенной шайбы — вот о чем я грущу по-настоящему... бросок — гол! И взматается сетка, и застывает вратарь... детство.

В хоккей во дворе играть труднее, чем в футбол. Во-первых — холодно. И не у всех есть клюшки. И бегать в валенках по кочковато смерзшемуся снегу — все-таки не так похоже, как ловко скользнуть на коньках по залитому льду с разметкой. И утащить подходящего размера ящик вместо ворот, а лучше — два, от задней стены магазина — тоже не всегда получается. Но уж если все однажды сойдется...

И снова я — вратарь! Уже не новичок в своем деле. В отличие от своего визави, я мастерски держу клюшку, как положено, одной рукой за середину, а не опираюсь на нее, как полевой игрок. А еще, согнув колени, эффектно отключиваю зад, щурясь сквозь воображаемые прорези маски. Да и вообще. И вот он — тот самый «выход один на один», решающий момент, катарсис и апогей игры. И я падаю на колени, а соперник, нагловатый здоровяк, делает «обводку», и я, как видел уже и репетировал сотню раз, выбрасываю ногу в сторону, он и ее обводит, и мячик вот-вот с глухим стуком закатится в ящик... и я падаю на бок и клюшкой выбиваю мяч куда-то вдаль...

Вот, вот он, тот самый миг!!! Вот тогда я понял... пусть и не «гол», а получилось равным счетом наоборот... но это было то, ради чего и стоит выходить... на лед, не на лед, на поле, на площадку, на «поляну»... вот ОНО!!! Вот он — тот самый решающий «сэйв».

Вот так я окончательно полюбил хоккей. Или футбол. Или не помню, что было раньше. На самом деле я их практически не разделяю и не различаю. Ну, летом ты надеваешь на себя одно, а зимой — другое, но и то, и другое — это «одежда». Так и здесь. Это — Игра. Просто летом одна экипировка, а зимой — другая. А так все, по сути...

Впрочем, полюби я просто футбол и хоккей — это было бы еще полбеды. А настоящая беда была в том, что я полюбил...

«Спартак»

Да, и вот это было уже настоящее падение... Людям, не особо вовлеченным в процесс, может показаться со стороны, что невелика разница... Но нет. Это не так. И разница велика. Более того — она чудовищна. Боление за «футбол вообще» (например, так называемый «красивый») и боление (хотя я не люблю это

слово) за конкретный клуб (тем более за такой легендарный, прославленный и овеянный, как родной «Спартак») соотносятся примерно так же, как физическая культура и спорт, при всей их внешней схожести. Но физкультура несет людям здоровье, хорошее настроение, заряд бодрости на свежем воздухе и тому подобное. Спорт же — это почти сплошная, лишь изредка прерываемая череда поражений, разочарований и обид, изорванная в кровь душа, истрепанное, истерично бьющееся на предельных оборотах сердце и болезненное, почти астеническое ожидание следующей игры... когда же она уже? Вот тогда мы всем покажем... вот тогда мы вас всех... но и следующая игра закончится — и все повторится снова...

Согласно канонической семейной легенде, за «Спартак» болел мой дед. История, правда, не сохранила документальных свидетельств посещения им матчей, не говоря уж о нанесении «выездов». Зато сохранились данные о том, что бабушка выдавала ему рубль на обед. Дед рубль на обед не тратил, экономил — чтобы потом с чистой совестью провести на него досуг с верными друзьями. Ну да — «по семь равных», если еще до денежной реформы... и два восемьдесят семь плюс мороженое за тринадцать копеек — если уже после. А по возвращении домой с деда требовали отчет по целевому расходованию средств...

— Мить, что брал на обед?! — строго спрашивала бабушка.

— Харчо! — всегда твердо докладывал дед.

Столь же твердо он всегда отвечал и на другой вопрос: «Мить, за кого болеешь?» — «За «Спартак»!!!»

Дед, может, и не знал, какое оно по вкусу в столовой, да и варят ли его там вообще, это «харчо»... Но тут главное — принцип: что брал? — харчо. За кого болеешь? — «Спартак». Так и повелось... возможно.

Отец — тоже за «Спартак». Правда, назвать его яростным суппортером было тяжело, папенька обычно задремывал на диване уже к середине первого тайма. Поэтому я довольно долго считал, что «Федя», «Черенков» и «Десятый номер» — это три разных футболиста. Но все отличные. А три отличных футболиста — это ведь лучше, чем один, верно?

И на хоккей мы ходили в «Лужники» на «Спартак». Все-таки в помещении, можно взять ребенка, хоть и тянет холодом ото льда. А лед блестит в свете прожекторов и режется так под коньками звучно — ну, так об этом еще Пушкин писал. Здорово, одним словом! Рубль двадцать на боковые и шестьдесят копеек за ворота. И в перерыве мороженое в стаканчике, если горло не болит. А потом одного удалили, и не очень опрятный, всклокоченный дядька рядом поднялся со своего

места и громко сказал, обращаясь к удаленному: «Понял, Марков?! Не шали...» Очень смешно получилось. Просто до колик в животе! А главное — выиграла. «Крылья Советов» — не соперник, а... в общем, несерьезный, как сообщил все тот же всклокоченный... но это значит, что я тогда уже болел...

Я хорошо помню этот день... Я сидел у бабушки на «Войковской» и смотрел хоккей. Вернее — уже «Спартак». Это было давно, очень давно. Почти как сон, причем не мой... И на воротах у «Спартака» — вратарь Новиков. Если учесть, что все мое сознательное, если можно так выразиться, детство стоял уже Дорощенко, то можно лишь догадываться о глубинах подсознания... Виктор Дорощенко, «человек без лица»... Я всегда хотел увидеть и понять, какой он там, под маской — но в ту далекую пору «голтендеры» еще не имели привычки задираТЬ шлем и охлебываться водой из фляжки после каждого более-менее удачного действия в своем исполнении... Много позже увидел: Дорощенко оказался весьма приятным, добродушным усачом... Очень давно. И как будто даже не со мной...

10 А «Спартак» уступает в счете, 2:4. Кажется, «Динамо». И я смотрю в экран не отрываясь, и сжимаю кулаки. Сейчас, сейчас... сейчас мы отыграем одну шайбу, потом вторую — а потом забьем победную! Но... мы не отыгрываемся. Классический выход «два в одного», перепас, бросок — и вратарь Новиков бросается из угла в угол, бессильно взмахивая щитком, и «гасящая сетка» за его спиной трепыхается, как подбитая на взлете птица, — гол... без восклицательных знаков. Два-пять, и все кончено. Звучит сирена. И я сжимаю кулаки до самой боли, и губы дрожат, и слезы невероятной обиды наворачиваются сами собой — мы проиграли... «Спартак» проиграл. Когда там следующая игра? Вот тогда мы вам всем обязательно покажем и отомстим. «Спартак» покажет. И «Спартак» отомстит...

А однажды мы идем в цирк. «Старый» цирк, на Цветном бульваре. Отличные места, почти у самого манежа. И гениальные Никулин с Шуйдиным разыгрывают сценку «Телевизор». Публика хохочет: ситуация узнаваемая, борьба за программу единственного «ящика» в семье (а у кого тогда было больше). Не смеется только один человек: это я. Потому что Никулин переключает и «смотрит» хоккей с комментарием Озерова, и «играют» «Спартак» и ЦСКА. И голос Николая Николаевича сообщает мне, что «армейцы перехватывают шайбу, переходят в атаку, проходят синюю линию, Петров передает Михайлову на пятачок, бросок — гооооооооооо! Счет открыт, 1:0, вперед выходит ЦСКА...». И я разве что только не реву — ну как же так,

опять «Спартак» проигрывает, пусть и вся игра еще впереди, и это, в общем, всего лишь запись... Но все равно: «Спартак» не может проигрывать!!! Даже в цирке. Даже ради шутки. Даже в записи...

Я не знаю, почему я полюбил «Спартак». И за что. За «красивую игру» и «неповторимый спартаковский стиль»? Ну что я мог тогда понимать в «игре» и «стиле», если и сейчас толком не понимаю... За красно-белые цвета? Полноте, какие там «цвета» в телевизорах «Старт» и «Рекорд», с диагональю, которая номинировалась даже не в дюймах, а в сантиметрах. Там всегда сражались лишь две команды — «в черной форме» и «в белой»... Тогда за...

Да ни за что. Полюбил, и все. Собственно, даже и не «полюбил», а любил всегда. Если я не помню, чтобы я не болел за «Спартак», — значит, и не было такого.

Судьба, стало быть.

Это правда...

Коньки

В мае 78-го года я завершаю выступления в средней группе детского сада. Наш садик «ведомственный», маленький: в нем всего пять групп, и они не нумеруются и не носят ласково-кудахчущих названий типа «Солнышко», «Елочка» или «Ручеек». А именуется сугубо практично: «младшая», «средняя», «старшая» и «подготовительная». По случаю теплой погоды нас ведут гулять на Водный стадион. Там футбольное поле, и взрослые мальчишки из «секции» играют тренировочный матч. И мы рассаживаемся на деревянных трибунах и смотрим игру. Большинству воспитанников, правда, она безразлична, и они занимаются своими делами, особенно девочки. Один только я внимательно болею и даже по мере сил поддерживаю: сначала одну команду, а потом другую... ну, в общем, ту, что в данный момент атакует! Говорю же — я люблю футбол... уже тогда любил. А в перерыве нас уведут, скоро обед и тихий час. И мне это очень странно: как же можно уходить, когда впереди еще целый тайм?! И даже, кажется, набравшись смелости, делюсь своими сомнениями с воспитательницей, благо сегодня с утра «хорошая»...

А вечером родители в торжественной обстановке вручают мне Подарок. И я разворачиваю его, замирая от волнения и предвкушения, — там даже два! Две коробочки! Первая — конструктор. Я обожаю конструкторы! Столько всего можно собрать! Особенно из «немецких»... а вторая коробка — еще больше. Стало быть, еще интереснее. И я рас-

крываю ее, и вижу длинный, блестящий металл, и все вдруг разом ухает внутри меня куда-то сперва вверх, а затем вниз...

И хоккей я люблю. Уже тогда. Летом мы отдыхаем в деревне, я еще не умею читать, но хоккей уже люблю. И мама покупает мне книжку «Шайбу! Шайбу» с картинками и читает вслух: «Судья залез на сетку...» Ну, на оградительную, имеется в виду – но этого мне еще не понять, и я спрашиваю: «Мам, а что значит – судья залез на наседку???» И мать смеется – эх ты, деревня! Наседка!!! Хотя, зная теперь, как зачастую называют у нас на трибунах арбитров, тот вполне мог залезть и на наседку... вполне, вполне.

А потом я читаю уже сам. И тут вдруг до меня доходит, что положительный герой Рыжик выступает за команду в синих цветах. Пусть и «Вымпел». А отрицательные персонажи из «Метеора» – сплошь в красном. И книжка уже не кажется мне столь интересной. А Рыжик – таким уж положительным и героем.

Да, футбол, хоккей...

В коробке коньки. И коньки – фигурные... Нет, тут не спутаешь: и зубчики на конце, и ботинок белый. Ну, мне ли не знать...

Так был нанесен первый удар по Мечте. По счастью, не последний.

12

Нет, я очень хорошо понимаю папу с мамой. Битком набитые залы, красивая музыка и аналогичные костюмы, свет прожекторов, поддержки, тодесы, тулупы в три оборота, двенадцать раз по «шестиноль», гимн и слезы Ирины Родниной и Александра Зайцева, цветы, объятия и поцелуи уровня «кисс-энд-край», до краев, стало быть – ну кто устоит? Да и спортшколы по классу хоккея и нынче, поди, не на каждом шагу... понимаю... сейчас... но – фигурное же катание!!! Еще, не дай бог, и с девчонкой в пару поставят, за ручку брать и обнимать придется – это ж стыда и позору на всю округу не оберешься!..

Моего первого тренера звали Оскар Петрович. И изнанку профессионального спорта он раскрыл нам очень быстро. По крайней мере за пару с девчонкой можно было не опасаться – до того ли нам было в очереди наклонов, приседаний и вращений в спортзале? Мы и на коньки-то встали лишь зимой, лед-то ведь только естественный. Я иногда заглядываю на наш каток: господа, да тут же на два толчка ногами «попеременным приставным»... а тогда казалось – забора не видать, и уж тем более – не доехать! А мы стоим в нашем подвальчике, замерев в упражнении «ласточка», и Оскар Петрович ходит, проверяет, достаточно ли ровно и изящно оно выполняется. И родители тянут шею сквозь полуоткрытую дверь: как там дитятки? Как там эти будущие чемпионы? Особый интерес, насколько можно видеть, проявляет

мама фантастически кривоногого и нелепого Миши Гурвича... А стоим долго, и нижняя челюсть под собственной тяжестью сама собой едет вниз, и Оскар Петрович, подходя ко мне, громко вносит коррективу:

— Лебедев, закрой рот!!!

И опять смешно всем, кроме меня... Хотя, возможно, именно тогда, помимо основ общефизической подготовки, Оскару Петровичу удалось заложить и тягу к нелегкому писательскому труду: я и сейчас мысли на бумаге излагаю гораздо яснее, нежели вербально...

А в конце зимы — соревнования. С настоящими судьями, которые на перекидных табличках выставляют нам самые натуральные оценки! Правда, в районе 1.3—1.4, хотя я, грешным делом, надеялся, что уж как минимум на пять с копейками мы своими «фонариками» и «пистолетиками» накатали. Но — пока лишь седьмой. Мы еще маленькие. А побеждает Коля Шолохов из старшей группы, он занимается уже второй год и действительно неплохо катается. И под заедающий звук фанфар из старенького магнитофона ему вручают золотую медаль и — Приз. Настольный хоккей! (Да, ведь настольного фигурного катания, по счастью, промышленность не выпускает.)

О, настольный хоккей!

Можно вырезать из бумаги фигурки хоккеистов, раскрашивать их, обязательно давать красивые, «блатные» номера, типа «девяносто девять», а вратарю — пижонскую «двойку», как у чехословацкого Иржи Кралика. А затем, кое-как согнув им ноги и расставив на столе, разыгрывать самые изящные комбинации. Отец даже склеил мне из картона табло с крутящимися дисками и появляющимися в окошках цифрами, одна сторона синяя, другая красная — и тут уж будьте покойны: «красные» у меня не уступили ни разу. Можно наклеить спортсменов из пластилина, вооружив их клюшками из спичек. Можно по примеру издания «Футбол-Хоккей» рисовать на бумаге все те же «комбинации» и «голы», пунктирной линией обозначая перемещения субъектов игры, а сплошными — объекта: мяча или шайбы. Можно даже попытаться собрать из конструктора, правда, тут деталей и фантазии хватит лишь на незамысловатый буллит, да и тот по схеме «бросок с места». Можно... но все это не заменит счастья Настоящего Настольного Хоккея! Я даже смотрю мультфильм, где в него мельком играет Баба-Яга, — и то завидую!

Так впервые в жизни появилась Цель. И мы с отцом ходим по вечерам на каток тренироваться дополнительно. Хотя по-прежнему самый приятный момент — когда выключают фонари на мачтах и уже можно вынуть из отцовского валенка клюшку с шайбой и немножко погонять в темноте и одиночестве...

На следующий год соревнование я выиграл. Теперь я сам — старший и уж, конечно, катаюсь не хуже прошлогоднего Шолохова. И снова играют фанфары, и подходит улыбающийся Оскар Петрович и, не иначе как припоминая давешний эпизод, дает обратную команду:

— Лебедев! Закрой глаза, открой рот!!!

И я счастливо жмурюсь, и Оскар Петрович торжественно, под аплодисменты публики запикивает мне в зубы Приз, и я тут же понимаю, что для хоккея-то Приз тонковат...

Конструктор. Отличный, немецкий. Даже, кажется, с электромотором. Но я-то хотел...

А потом мы с мамой едем домой, и чувства мои противоречивы. И дома я сажусь к телевизору, смотреть финал Олимпиады в Лейк-Плэсиде. Показывают, само собой, в записи, и все уже в курсе, что наши проиграли американцам. «Чудо на льду», или как там его. Один только я не верю. Я теперь вообще уже не верю в чудеса и смотрю, смотрю... но наши все равно проигрывают. 3:4. Чудес и в самом деле больше не бывает.

Я же и говорю: спорт, особенно когда он шагает в обнимку с мечтой, — это лишь секунды триумфа. И долгие минуты, дни и месяцы разочарований. Так-то вот!

Впрочем, тут мы забежали несколько вперед.

Ереван

Весной 79-го года из обрывков родительских разговоров я вдруг понял: мы переезжаем.

Ну-у... переезд — это как минимум интересно! Новая квартира со странным названием «кооператив», где, говорят, у меня будет даже своя собственная комната. Но, с другой стороны, это довольно волнительно. А как же «садик», который я не то чтобы уже полюбил, но по крайней мере привык? А, черт бы его побрал, фигурное катание? И в конце-то концов — что же будет с моей футбольной командой младшей сопливо-возрастной группы, которую я уже практически сформировал, которая уже провела почти полноценную тренировку и теперь готовилась дать бой этим противным старшим мальчишкам, которые вечно или сразу занимали нашу импровизированную «поляну», или выгоняли нас с нее, даже если мы ее занимали на законных основаниях, явившись первыми?..

Вскоре ко всем поводам для волнения добавился еще один, но самый веский — мать, разъяренная кому-то наши будущие координаты, сообщила следующее: «Ну да, точно! Как раз там, возле Еревана...»

Теперь я насторожился не на шутку. В полном смысле слова не по-детски. Я уже читал, и у меня была красивая, кем-то подаренная книга с торжественным названием «Твоя Родина — СССР!». Из этой книги я многое почерпнул о стране, в которой мне посчастливилось появиться на свет, и о ее необъятных просторах, и о несокрушимой дружбе народов... однако, ознакомившись с приложенной картой, переезжать в Ереван я решительно не возжелал. Даже не в сам Ереван, а «возле»... это что же, вообще в деревню, получается?! Нет, деревню я любил, но исключительно в форме временного, летнего пристанища. Видимо, москвичом я стал даже чуть раньше, чем спартаковцем (а им, напомним, я был всегда).

Наконец, после нескольких недель мучительных размышлений я услышал: «Собирайся. Едем смотреть нашу новую квартиру!»

— Мам, а мы как поедem: на поезде или полетим на самолете? Ведь Ереван — это же очень далеко! И, ты знаешь... я совсем не хочу уезжать из Москвы!

— Дурачок! — сказала мама. — С чего ты решил, что это не в Москве? «Ереван» — это просто так называется кинотеатр!

И у меня отлегло от сердца. Остаемся...

Детство — это когда ты маленький. А вокруг все — большое-пре-большое. Далекое-предалекое. Будущее-пребудущее. Как Ереван...

И мы поехали.

Впечатления обрушились сразу. Ехать надо было на автобусе. Даже на двух. А это, согласитесь, гораздо интереснее, чем на метро, где смотреть в окно имеет смысл лишь тогда, когда поезд вдруг вылетает из тоннеля и катится по мосту через Москва-реку, а такое приключение происходит с ним до прискорбья редко. А еще автобус надо «ждать», да к тому же не любой подходит, поэтому при ожидании следует пристально глядеться в их «номера». А еще «номер» у каждого маршрута написан по-своему, и если это запомнить, то можно узнать «свой» еще из такого далека, что и с подозрной трубой не каждому под силу! Эх, ведь и было же время, когда мне все это нравилось...

Наши новые дом и двор выглядели странно. Старый был зажат со всех сторон пятиэтажками и накрыт сверху надежной крышей разросшихся за тридцать лет деревьев. Новый же дом торчал посреди чистой поверхности, местами заасфальтированной, местами засыпанной песком и бетонной крошкой, а в основном — щедро закиданной всяким хламом. И — ни деревца вокруг, кроме старого, разросшегося тополя. И — открытые пространства во все стороны, уходящие куда-то вдаль. Да, тут явно было что изучить и чему удивиться...

Внутри понравилось еще больше. Лифт с автоматическими дверями, которые уже не надо, как у бабушки, захлопывать с чудовищным, просто-таки пугающим железным грохотом, и он везет тебя всегда, а не только со взрослыми! Везет аж на десятый этаж, который мама удачно вытасила на «жеребьевке» и с которого, если выйти на балкон, видно не до другой стороны улицы — а до самого горизонта! И запах, ни с чем не сравнимый и всегда куда-то незаметно испаряющийся запах нового дома! И звонкое эхо пустых комнат — эй! эй! э-ге-гей!!!

Через неделю мы приехали опять. Надо было начинать обустриваться на новом месте, и отец послал меня за позабытой впопыхах отверткой к какому-то знакомому, который как раз недавно переехал в соседнее строение. Я долго выспрашивал адрес, скрупулезно уточнял маршрут движения и контрольные ориентиры по дороге, — но на самом деле я знал, куда идти: просто было ужасно страшно выходить одному в новое.

Детство — это когда все вокруг — еще новое...

Наконец, я собрался с силами — и выступил в путь. Он оказался недлинным: между домами на бордюре задумчиво сидел ребенок по имени Александр Чуриков, выпускник нашего же детского сада, чьи родители также улучшили жилищные условия в искомом мною доме. Согласно установленному этикету, Чурикову не следовало обращать внимания на такую секилявку, как я, — ведь мне предстоял еще целый дошкольный год. Но тут, видать, законы землячества взяли верх над условностями — и Чуриков довольно ласково сказал мне:

— Привет. Тоже переехали? Садись.
— Привет, — сказал я, усаживаясь рядом. — Переехали.
— Вот, на свалку ходил, — деловито доложил мне Чуриков. — Солдатика нашел. Жаль только, пешего, а не конного. Но, говорят, там и конных полно! Пойдешь со мной?

И Чуриков охотно продемонстрировал свою находку. Солдатык и в самом деле оказался ничего, только немного запыленный, как после марш-броска.

— Не, ща не могу. За отверткой послали, — тактично отклонил я приглашение.

— Ну, тогда я пошел. Пока! — распрощался Чуриков.

Свалка! Да, вот у нас была — Свалка с большой буквы!!! Неиссякаемый источник самых разных артефактов, притаскиваемых в школу и дающих обладателям их немислимые почет и уважение. Включая, разумеется, яркие цветные банки из-под импортного пива! Я сам очень скоро приволоку с нее штук двадцать великолепных стеклянных шариков. До сих пор не знаю, для чего они использовались в мир-

ной жизни, — а я налепил на них бумажные номера, прорезал дырку в пластмассовом барабане и немедленно провел самый натуральный тираж «Спортлото». И, как водится, «шесть номеров не угадал никто»...

Но пока что я все-таки разыскал названного мне дядьку и получил у него столь необходимую отвертку. А на выходе из подъезда меня встретил другой юноша, теперь уже незнакомый. И настроенный, как выяснилось, куда как менее гостеприимно, нежели коллега Чуриков.

— Ты из какого дома, пацан? — строго спросил он меня.

— Из третьего. Вон, из того! — радостно сообщил я, предполагая, что, возможно, юноша также даст мне какие-то полезные сведения о моей новой среде обитания. В принципе, так оно и произошло.

— Ну так... и гуляй возле своего дома! — неожиданно рявкнул он. — Даю тебе десять секунд, время пошло, р-раз!!!

«Во дела... — размышлял я, спешно улепетьывая по указанному направлению. — Оказывается, новая реальность несет нам не одни только положительные открытия и эмоции...»

Да, структура микрорайона оказалась довольно сложна и не лишена определенного внутреннего изящества. Конечно, в полном объеме познать ее удалось далеко не одновременно — но я, так и быть, кратко обрисую ее вам сразу, итак.

Наш дом был «кооперативный», а вот соседние, в один из которых и занесло меня в поисках слесарного инструмента, — уже «лимитные», отчасти, правда, разбавленные технической интеллигенцией одного сверхсекретного оборонного предприятия столицы. Все вместе мы образовывали левую, «новую» часть нашей улицы, свежестроенную — по каковой причине обитатели четной, «старой» стороны сразу обрели к нам довольно значительное число вопросов. Но опять же — вместе мы были «улица», а ближе к Шоссе проживали, естественно, шоссейные. По ту сторону Шоссе располагались владения «Девятого квартала» (характерно, что история градостроительства не сохранила никаких данных о кварталах с номерами, скажем, восемь или десять), ну и, само собой, возле кинотеатра «Ереван» проживали ереванские. То есть наверняка они внутри себя тоже как-то хитроумно подразделялись неведомым нам образом. Но при любом раскладе «выловить» от них по ушам при посещении утренних сеансов в дни школьных каникул было делом особенно необременительным. И наконец, где-то на самом отшибе находился тракт, явно неспроста названный в честь народного героя Ивана Сусанина, ибо вернуться оттуда случайному путнику не было никакой возможности. «Сусанинские», как шваб-бранская пиратская Пилигвиника, были враждебны всем, всегда и везде, и слава о них гремела далеко, как говорится, за пределами.

Да, как видно из этой, даже неполной схемы – напряжение могло проскочить по любому из самых неожиданных направлений, и оттого суровое «Пацан... а ты, собственно, из какого дома?!» повисало в воздухе еще далеко не один раз...

Но все равно было здорово! Ну что я раньше видел в этой жизни – одна остановка туда до бабушки, другая – сюда, до уроков ледового мастерства Оскара Петровича. А тут – пространства вплоть до горизонта! Да до одного метро только полчаса в автобусе трястись, уперевшись носом в чей-то потертый хлястик. Ереван...

Мечта

В школу с шести лет меня не взяли. Мама ходила узнавать – но, оказалось, вышло очередное судьбоносное Постановление, согласно которому не принимали даже «декабрьских», а я был «январский». В то время вообще выходила масса Постановлений, Указов и прочих Руководств, несколько осложняющих жизнь простого человека. Хотя, возможно, оно и к лучшему: семьдесят второй год рождения в нашем микрорайоне, как выяснилось, был каким-то сосредоточием гопников, шпаны и просто асоциальных личностей всех мастей. Хотя допускаю, что и наш «заход», особенно параллельный класс «Б», сформированный на базе питомцев пятого, «лимитного» дома, воспринимался последующими поколениями примерно в схожем ключе.

В местный садик меня тоже не приняли. Сказали: «Нету мест» (впрочем, их и сейчас нет). Тем более что «место» за мной сохранялось в старом. Тут я даже не особо расстроился. Все-таки в прежнем порту приписки мы были единственной группой старослужащих, со всеми вытекающими отсюда формальными и неформальными привилегиями. В частности, правом зимой кататься на лыжах по «большому» кругу территории, практически вдоль забора и почти без спроса. Прочие ходили исключительно «по маленькому». Я часто сейчас смотрю на этот «большой»... боже, но ведь он и действительно казался БОЛЬШИМ!!!

Да, но в старый сад теперь надо было «добираться», а не просто перейти улицу, как раньше. Добираться целый час! Но вот час тогда, как ни странно, был маленьким. Да оно и неудивительно: столько всего вокруг! Столько приключений, только успевай головой вертеть! Один только маршрут автобуса – целиком, от конечной до конечной. Десять остановок, если не считать стартовой! Два светофора, и еще пять поворотов, и еще один изгиб, который если считать за поворот,

то и все шесть. И автобусы — они бывают разные. Наши, «ЛиАЗ», и красивые импортные — «Икарус». «Икарус» интереснее: утром, когда на остановке полно народу, дети могут подойти на «высадке» и сесть до основной толпы, но я никогда не сажусь, а бегу вперед, к самой кабине, и в «Икарусе» гораздо лучше видно и дорогу, и как водитель без усталости дергает огромный рычаг передач (допускаю, что он имеет другую точку зрения на коробку-«автомат»). А в нашем «лиазике» — он только рулит, но зато предоставляется возможность поразмышлять, почему в прибитой на кабине табличке «шофер» неизменно выцарапано — «холост».

Но главное — это даже не автобус. До него еще надо дойти, а путь неблизкий, мимо всех домов, потом пруд, потом наконец-то взбираешься на пешеходный мост, а у нас очень длинный мост через станционные пути, метров триста, и вот на нем-то, на мосту, уже ближе к концу — каждое утро и каждый вечер я встречался со своей Мечтой.

Расцепщик Вагонов — вот кто это был. Знаете такого?

Это такой специально обученный мужчина с чем-то вроде фасонной длинной кочерги в руках, который задумчиво стоит возле железнодорожной горки и внимательно ожидает сигнала сверху. Наконец, среди прочих шумов пересадочного узла вдруг раздается хрип невидимого репродуктора — и прокуренный голос просто-таки взрывается, эхом разносясь над всей округой:

— Третья на вторую пять, шестая восемь, три один!!!

Это и есть Сигнал. Повинуясь ему, Расцепщик Вагонов шерудит своей кочергой где-то внутри сцепки — и разделенные навсегда вагоны, повинуясь Его непреклонной воле, раскатываются по стрелкам вниз, кто куда, и уносятся вдаль, чтобы никогда уже не вернуться... или вернуться, но только нескоро-нескоро... Это даже лучше, чем смотреть, как горит огонь и течет вода: на них можно смотреть Вечность, а на убегающие вагоны — всю Жизнь, то есть даже дольше. И я смотрю, смотрю, смотрю, пока отец за руку не уведет уже меня...

Я много кем мечтал стать в своей жизни. Хоккейным вратарем в маске, как у Виктора Дорощенко. Футбольным — в перчатках, как у Рината Дасаева. Водителем автобуса, лучше, конечно, «Икаруса», но можно и «ЛиАЗа», раз уж он постоянно холост. Некоторое время — даже милиционером. Писателем хочу стать до сих пор. Но никем я не хотел стать по-настоящему, так, как ИМ. Спуститься однажды вниз, в оранжевой жилетке поверх телогрейки, с прилипшей к губам беломориной, в ушаночке с приподнятыми для лучшей слышимости «ушами» — и, прислушиваясь к Сигналу, повелевать, отправляя цистерны, рефрижераторы, да и просто «телячи» в Бесконечность...

Да, когда-то жизнь на Платформе и вокруг кипела и дышала полной грудью. К московской Олимпиаде на дальней от нас стороне возвели типовое кафе, после спортивного форума перетранслированное в пивную. Отец иногда заходил туда, и если бывал при погонах, то часто слышал: «Товарищ майор, вот сюда без очереди пройдите... сейчас кружечку чистую вам подам!» Замечу, майор, а не «генерал-майор». Да, в те дни на местах еще случалось уважение к человеку в форме! О подобных инцидентах я узнавал всегда, так как только в бывшем кафе стабильно поставляли к столу хрустящую картошку с девочкой за десять копеек, которая мне и доставалась (картошка, а не девочка)... А вытрезвитель там был всегда, и старожилы очень радовались такому совпадению: не надо далеко ходить, вышел из одного заведения — и сразу в другое, а из другого — так сразу и обратно...

А потом (через много лет) мост закрыли на ремонт, и Жизнь плавно перетекла в другие места округа. Исчез рынок, остановка из важной «конечной» превратилась в обычную проходную, пришли в упадок палатки, от кафе и так давно остался лишь один ангар, и вытрезвитель, ранее не справлявшийся с наплывом посетителей, враз потерял большинство лояльной клиентуры. И его персонал сидел теперь на холодном осеннем солнце и слушал «Земной оркестр Манфреда Манна», и потусторонний голос Криса Томпсона опускался на них, как снег на сухую, простывшую землю.

Много вы видели работников вытрезвителей, которые на досуге слушают Криса Томпсона? У нас такие были. Потому что чудеса случаются там, где живет Мечта...

Потом мост открыли заново, но былая жизнь уже не вернулась, и в бывший «трезвяк» вселилось подразделение ГАИ. Но я пробежал мимо, взлетел по лестнице и тут же убедился: ОН был на месте. На своем неизменном посту. Практически тот же. И все так же летел над мокрым снегом Сигнал.

Настоящая Мечта никуда не девается. Она же, в отличие от много чего другого, Настоящая.

Высоцкий

Если спросить меня — ну, ты, конечно же, хорошо помнишь первое «свое» чемпионство «Спартака» образца осени-79? Ты, конечно, прыгал до потолка, потом кричал на балконе, размахивая флагом, а потом до полуночи принимал поздравления по мобиле и электронной почте? А наутро ты вошел в группу особенно гордой походкой,

и даже утренняя встреча с Расцепщиком Вагонов отошла в тот день на второй план? Что ж, отвечу честно. Нет, не помню. Все-таки я был еще недостаточно опытным суппортером для этого. И потом – дети еще не воспринимают события и объекты в полном объеме и всей их первозданной красоте... Да, «Спартак» был со мной всегда – но он возникал в тот момент, когда я видел его на экране телевизора. Или узнавал счет из новостей по радио. Тогда я радовался. Или огорчался до слез. А потом «Спартак» исчезал, уступая свое место новым впечатлениям и открытиям этого Мира. До следующей игры, разумеется.

И соперников я различал. В хоккее – по форме, даже на экране черно-белого телевизора. У всех были свои маленькие высокохудожественные отличия в свитерах, трусах и рейтузах, и названия клубов звучали как музыка: «Химик-Воскресенск», «Торпедо-Горький», «Крылья-Советов», «Сокол» и «Динамо-Рига»; у них мы чаще выигрываем. Не звучит мелодией только «Цээска» – тут мы, пожалуй, больше уступаем...

А в футболе – по воротам, они в каждом городе были свои. В Киеве – огромные, если смотреть сбоку, то похожие на детальку конструктора под названием «трапеция», в такие уж если забьешь, так забьешь! В Тбилиси – даже если не слышать комментариев Котэ Махарадзе, то та же «трапеция», но поменьше. В Ереване (который теперь уже город, а не кинотеатр) – почти как у нас в «Лужниках», но чтобы с ними не спутать, у основания штанги заботливо подкрашены черным цветом. На стадионе «Динамо» – наоборот, самые маленькие в плане глубины, так что сетка висит почти возле самой «ленточки»... Но соперник – он соперник и был. Безымянный по сути своей. Я злился на него, когда он обыгрывал нас, и снисходительно уважал его, когда мы побеждали, – воздавая должное его мастерству и старанию... но в любом случае он исчезал еще раньше и на гораздо большее время. И я еще не знал, что должен особенно ненавидеть ЦСКА и «Динамо» (Киев), хотя и уже догадывался... Они злили чаще других.

А что такое «чемпионат», как он разыгрывается и сколько там очков начисляется за победу и ничью «дома» и «в гостях», и кто и почему становится чемпионом – вот это я представлял себе еще достаточно смутно. Точнее, я даже не понимал, что чемпионом нужно становиться. Я просто знал, что мой любимый «Спартак» – чемпион. Да и кто не знал этого в тот год, если соответствующая надпись враз украсила практически все свободные вертикальные поверхности и площади города, выйди из дому и убедись! Даже не из дому, а просто из квартиры – и осознай сей факт прямо в подъезде! Спартак – чемпион! Это, если хотите – бренд. Как любой детский подгузник – это «памперс», а любое копировальное устройство – это «ксерокс» (хотя

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru